

ВЛАДИМИР ДЕСЯТНИКОВ

заслуженный деятель искусств России

О “ПИРАМИДЕ” Л. М. ЛЕОНОВА

Пирамида как емкий символ созидания – на века и даже тысячелетия – впервые встречается в декабре 1927 года в письме Леонида Леонова из СССР в Италию Максиму Горькому:

“Я всё больше (хотя и с запозданием) прихожу к мысли, что теперь время работы с большой буквы. Работать надо, делать вещи, пирамиды (выделено мной. – **Вл. Д.**), мосты и всё прочее, что может поглотить у человечества скопившуюся силу. России пора перестать страдать и ныть, а нужно жить, дышать и работать много и метко”. Сам он в то время “без отрыва сидел за столом, по-азиатски, по 12 часов в день – работал”.

Шесть орденов Ленина заработал от Советского правительства Л. М. Леонов. Ни у кого из писателей не было столько высших наград, даже у генералиссимуса И. В. Сталина и маршала Г. К. Жукова было меньше орденов Ленина, чем у Л. М. Леонова. Но, наверное, также ни у кого из писателей не было и шести выписанных ордеров на арест, как у Леонова. Слава Богу, Сталин понимал, кто такой Леонов, и не позволил его арестовать. Леонид Максимович не раз мне говорил, что именно Горький в его присутствии отрекомендовал в 1931 году Сталину: дескать, этот молодой человек “без сомнения, является одной из самых больших надежд русской литературы”. Словом, выдал охранную грамоту на всю жизнь.

Могу назвать имена тех, дело которых, по слову Горького, продолжал Леонов: Пушкин, Грибоедов, Гоголь, Достоевский, Тургенев, Толстой. Всё это так, но ведь после ухода Горького для писателей жизнь круто изменилась.

“Сам себе станешь партией”, – писал о себе изрядно политизированный, воевавший с Папой Римским, императором, чванливой знатью великий Данте Алигьери. И ещё процитирую классика:

*Для лучших вод подъямля парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине...*

Божественная комедия. Чистилище.
Песнь первая.

Это я к тому, что всё больше и больше утверждаюсь в давней мысли: Л. М. Леонов в своей “Пирамиде” спустя шесть с лишним веков после Данте развернул не что иное, как русские Ад и Чистилище в их советском варианте, и всё в одной книге. Леоновское творение – это опрокинутая вниз пира-

мида — преисподняя, спускающаяся уступами в бездну. А что касемо Рая, то он, известное дело, в перспективе и на небесах.

Задуманный Леоновым роман мыслился как рубеж, и по предчувствию, — может быть, даже последний.

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...*

Божественная комедия. Ад.
Песнь первая.

Весной 1300 года, когда Данте приступил к своей “Комедии” (позднее названной Божественной), ему было тридцать пять лет. Леонову, начавшему свой роман (позднее названный им “Пирамидой”) в 1940 году, немногим больше — сорок один. Оба были гонимы. Данте ещё смог уехать из родной Флоренции; Леонову после Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о “клеветнической” пьесе “Метель” оставалось только сухари сушить да чёрного ворона ждать, ложась спать не раздеваясь. Думаю, что “лес” Леонова был намного сумрачней Дантова.

И у Пушкина, и у Гоголя были дантовские реминисценции. Так что ничего случайного нет и в том, что советский писатель Леонов, читая “Божественную комедию”, делал свои заметки на полях, и строгий профильный портрет Данте в шкафу за стеклом был как раз напротив его рабочего стола. О многом говорящая деталь. Кстати, в одном из писем Горькому Леонов вовсе не случайно заметил: “Есть особая <...> литературная философия людей, явлений, событий”. И далее в этом “величественном ряду” первым назван Данте.

Уже после войны Леонов побывал в качестве корреспондента “Правды” в Германии, неподалеку от Гамбурга, в Люнебурге, на процессе над палачами местной фабрики смерти — концлагеря. “Ализариновые чернила и человеческая речь бессмысленны передать длительное ощущение душевной отравленности, полученное нами при посещении этого места, — свидетельствует Леонов. — Сам Дант не рассказал бы больше, если бы его послали бы сюда корреспондентом”.

Эпоха, в которую жил автор “Божественной комедии”, несмотря ни на что, сулила человечеству во всех смыслах Возрождение. А на рубеже третьего тысячелетия, суммируя деяния тех, о ком Горький когда-то пафосно говорил, дескать, “человек — это звучит гордо”, Леонов горестно итожит: “Близ есмь при дверех”.

И, наконец, ещё одна деталь: язык древних римлян, язык Вергилия Леонид Максимович любил всю жизнь. В качестве языкового тренинга он мог полатыни назвать все деревья, кустарники, травы и цветы, посаженные им в своём переделкинском саду.

И опять же, осталась позади поездка в Италию, когда роман был уже на рабочем столе, отодвинув всякую другую работу. Гуляя по Флоренции (вслед за Гоголем, когда он работал над “Мёртвыми душами”), Леонов прикидывал на свой лад дантовские коллизии, причудливо проросшие шесть веков спустя после “Божественной комедии” в России.

Командировочный (так у Леонова. — **Вл. Д.**) ангел Дымков, спустившийся с эмпиреев на грешную землю в районе подмосковного Старо-Феодосеевского кладбища, нашёл-таки свою Беатриче в лице поповской дочки Дуни (по слову Леонова, малость чокнутой). Она и стала подружкой прищельца из космоса, его поводырём. Не хуже, чем дантовский Вергилий, провела она Дымкова по вздыбленной социалистической стройкой русской земле.

Когда досужие литературоведы, и не только в России, наберутся терпения и внимательно прочтут “Пирамиду”, они по достоинству оценят полувековой труд Л. М. Леонова. Только пусть сильно не смущают их еретические размышления главного героя романа о. Матвея Лоскутова (по существу, распопа, по Аввакуму Петрову). У него их столько и такой глубины, что даже Данте с его неканоническими завихрениями почесал бы в затылке.

Да и как было о. Матвею не сбиться с пути Истины, когда рядом на страницах романа действует не кто иной, как главный искуситель нас, смертных, корифей всех наук — сам дьявол в образе профессора с говорящей фамилией Шатаницкий? Что ни говори, а роман Леонова закручен, как ни у кого из

писателей всей советской эпохи. Недаром же ясновидящая болгарка Ванга предрекала Леонову мировую славу. А вот Нобелевский комитет ничтоже сумняшеся три раза заворачивал кандидатуру Леонова. Не иначе как в пику Советской России!

Прихожу я однажды к Леониду Максимовичу, а он, весь взъерошенный, прямо с порога:

– Могу ли я обидеть Бога?

– ???

– Пусть Он сотрёт тогда меня без остатка, – еле сдерживаясь от клоко-чущих в душе терзаний, выпалил Леонов.

Я знал, что Леонид Максимович ставит точку в “Пирамиде”, оглашая свою, земную версию так смело им прочитанного апокрифа Еноха, “который объясняет ущербность человеческой природы слиянием обоюдо несовместимых сущностей – духа и глины”.

Леонов – писатель сложный, предпочитавший арифметике линейной композиции романа “извлечение квадратного корня из минус единицы”.

“Пирамида” давалась ему непросто. “Если поэт хочет быть настоящим художником, он должен творить мифы, а не рассуждения”, – считал Платон. Леонов и творил мифы, но, конечно же, с учётом трагической судьбы автора “Мёртвых душ”. Гоголь задумал свою поэму трехчастной, как и у Данте: “Ад”, “Чистилище”, “Рай”. “Мёртвые души” (души умерших – “Ад”) – гениальное творение. Не сведя концы с концами, духовно и физически надорвавшись, Гоголь сжёг второй том. Говоря словами В. О. Ключевского, писатель проник в те глубины жизни, “заглянуть в которые – высшее торжество человеческого прозрения, но из которых нельзя выйти здоровым”. Потому и одолел Гоголя нечистый. За помощью к духовному врачу о. Матфею Константиновскому Николай Васильевич обратился слишком поздно. Да и не всё под силу священнику, тем более заштатному, каким и является главный герой романа Леонова “Пирамида”.

Можно ли сомневаться, что из всего Нового Завета Леонов чаще всего обращался именно к Евангелию от Матфея. Нагорную проповедь знал слово в слово ещё с гимназических лет. И другие стихи мог процитировать по памяти. К примеру: *И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься* (Мф. 11, 23). Это, похоже, о нас сказано, во всяком случае, близко к теме “Пирамиды”.

Хотя герой леоновского романа тезоименит евангелисту Матфею, автор намеренно называет его по-мирски – Матвей. И неспроста. Уже этим Леонов деликатно дистанцируется от всяких попыток приписать ему какое-либо переименование вслед за Л. Н. Толстым Священного Писания. Между тем совпадение имен духовного наставника Н. В. Гоголя – о. Матфея Константиновского и главного героя леоновского романа – вовсе не случайно.

Судьба Гоголя в наших беседах с Леонидом Максимовичем во время частых прогулок мимо дома-музея любимого писателя (что на Суворовском бульваре, куда, кстати, приезжал из Ржева к болящему рабу Божию Николаю о. Матфей Константиновский) – одна из центральных тем, особенно в последние годы жизни Леонова. Могу засвидетельствовать, что и у Леонида Максимовича были такие дни, когда он был готов бросить второй вариант “Пирамиды” в печь. И к этому Леонова косвенно склонял внук о. Павла Флоренского игумен Андроник из Троице-Сергиевой лавры, которого по просьбе Леонида Максимовича я и привёл к нему в дом.

Окончательное суждение о поэме – романе-наваждении Леонова, – думаю, можно будет вынести, когда его наследники опубликуют первый вариант “Пирамиды”, который автор закончил в 1979 году и, перевязав веревкой, положил в кладовку.

Вспомнилось почему-то именно розановское. Могу только догадываться, почему В. В. Розанов так критично, если не зло, отозвался о Гоголе: “Бес Гоголь”.

Василий Васильевич говорил, что не любит властность великих людей. Не считаясь с тем, что маленькие, обычные люди с таким трудом собирали урожай, будь то грибы, ягоды, великие пришли на базар жизни и ногами расшвыряли и затоптали чужой труд. Им вдруг вздумалось гнать всех на исполнение своих великих замыслов (часто заёмных и до конца не вызревших), конечно же, во благо христиан малых. А ведь у великих и малых жизнь, идеалы и думки – разные.

И вот тех же малых мира сего, но уже под конвоем, заставляют вырубать в скале величественную ростовую фигуру Вождя, где человек смотрится маленькой букашкой, ещё меньше, чем строитель-раб на фоне пирамиды Хеопса.

Нет, я вовсе не хочу выстраивать прямую параллель между высеченным в скале в одной из песен “Чистилища” движущимся барельефом “милосердного” римского императора Тита (того самого, который в 70 году захватил и разрушил Иерусалим) и выступающей из скалы фигурой Вождя в “Пирамиде”. Но всё же...

Ушло в прошлое тысячелетие, в котором жил и творил великий Данте. А властителям и по сию пору все неймётся. Будто не Творец, а они имеют право распоряжаться чужой жизнью, как им вздумается.

И Данте, и Леонов чуть ли не наяву видели свой барельеф и свою ростовую скульптуру гигантских размеров. А премудрый Розанов на досуге *уединённо* любил рассматривать в лупу подобные сюжеты на античных камеях и геммах – он ценил их наряду с монетами Древнего мира. Сюжеты эти – вечные.